

УДК 81'42
ББК 81.0

А.А. Панова

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
РЕФЛЕКСИЯ
В ДНЕВНИКАХ МИТРОПОЛИТА
ВЕНИАМИНА ФЕДЧЕНКОВА
1926–1948 ГОДОВ**

Статья посвящена анализу отражения в языке дневников митрополита Вениамина Федченкова рефлексии, предметом которой выступают языковые средства, используемые автором для описания тех или иных событий. В статье рассматриваются различные способы актуализации лексического значения слова, в частности, при помощи акцентирования авторского внимания на значении отдельных морфов.

Ключевые слова: *дневник, лингвистическая рефлексия, актуализация лексического значения, морфема.*

Панова Анна Александровна – аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-919-890-47-94
E-mail: PanyAnn@yandex.ru

© Панова А.А., 2014 г.

Исследование языковых особенностей дневников видится перспективным в связи с возможностью проследить процесс отражения в языке рефлексии автора по отношению к той или иной жизненной ситуации. Обращение к изучению дневниковых записей священнослужителей, которые в большинстве своем получают лингвистическую подготовку достаточно высокого уровня, обусловлено еще и тем, что в данных текстах предметом авторской рефлексии нередко становится сам язык. Так, лингвистическая рефлексия представляется одной из ярких черт дневников митрополита Вениамина Федченкова 1926 – 1948 гг.

Материалом для исследования послужила выборка из упомянутых выше дневников, объемом в 532 страницы, включающая 375 языковых единиц разного уровня. Цель данной работы заключается в анализе способов отражения в текстах исследуемых дневников лингвистической рефлексии автора. Было обнаружено 12 фрагментов, в которых объектом авторского осмысления становится язык. Несмотря на такое, казалось бы, скромное количество примеров, лингвистическая рефлексия в текстах дневников митрополита Вениамина Федченкова заслуживает детального рассмотрения вследствие ее специфичности.

Лингвистическая рефлексия на страницах исследуемых дневников отражена в высказываниях четырех типов.

Во-первых, обнаруживается пять случаев проявления языковой рефлексии при осмыслении

автором семантики используемых слов. Чаще всего языковые единицы становятся предметом размышлений автора в ситуациях, связанных с попыткой священнослужителя осуществить выбор между церковно-славянской лексической единицей и ее русским аналогом (три контекста). В основном такая рефлексия вызвана нетождественностью семантики церковно-славянского и русского вариантов. От удачности выбора зависит немаловажный для священнослужителя факт: удастся ли ему точно передать или, наоборот, понять смысл того или иного прецедентного высказывания. В двух остальных фрагментах рефлексия по поводу лексического значения слова связана с выбором между двумя синонимичными единицами одного языка или стремлением разъяснить значение уже употребленного слова.

Рассмотрим данную группу контекстов отражения лингвистической рефлексии более детально, обратившись вначале к следующим примерам (здесь и далее при цитировании курсив – выделения, сделанные автором дневников, полужирный шрифт – мой. – А.П.): «<...> *бегайте любостяжания (то есть страсти, из коей исходит все), а по-славянски сильнее: "лихо(злого)имства"*» [Федченко, с. 202]; «И из любостяжания (**по-славянски непонятно**: "в преумножении") будут уловлять вас льстивыми словами <...>» [Федченко, с. 202–203]. Отметим прежде всего, что в обоих примерах имеет место оценочный аспект по отношению к выбранному слову (*а по-славянски сильнее; по-славянски непонятно*). Интересен тот факт, что в первом примере лексемы *любостяжание* и *лихоимство*, будучи обе церковно-славянского происхождения, противопоставляются автором не просто как удачная и менее удачная лексическая единица для обозначения определенного состояния человека, но имеют и противопоставление по происхождению. В данном случае о. Вениамин прямо не указывает происхождение слова *любостяжание*, однако на наличие противопоставления по происхождению указывает противительный союз *а*: ***а по-славянски сильнее***. Таким образом, согласно автору, есть не церковно-славянское слово *любостяжание*, менее удачное для номинации указанной автором страсти, а есть церковно-славянский аналог *лихоимство*, который, по мнению о. Вениамина, наделен более высокими выразительными свойствами. Однако на той же странице дневника автор определяет лексему *любостяжание* как церковно-славянскую (см. второй приведенный пример, в котором *любостяжание* признается малопонятным церковно-славянским словом). Так, в обоих примерах лексическая единица *любостяжание* фактически предстает не отвечающей требованиям ясности и точности: сначала она презентуется как уступающая по экспрессивным свойствам слову *лихоимство*, а далее признается и вовсе непонятной.

Отметим небезынтересное проявление лингвистической рефлексии по отношению к лексеме *лихо(злого)имства*. Признавая то или иное слово церковно-славянским или старославянским (и то и другое о. Вениамин называет сказанным *по-славянски*), автор нередко автоматически переводит слово на русский язык, приводя в скобках либо ана-

лог (ниже будет рассмотрен пример рефлексии по отношению к слову *бедный*), либо описательный перевод, как, например, в уже приведенном выше случае «*И из любостяжания* (по-славянски непонятно: **“в преумножении”**) <...>» [Федченков, с. 202 – 203], а также в следующем фрагменте: «<...> ничего не делайте по любопрению (**не как все, а по-своему**) и тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя» [Там же, с. 291]. В случае же с *лихо(злого)имством* можно наблюдать перевод одной из значимых частей сложного слова, которая, очевидно, представлялась митрополиту Вениамину Федченкову наиболее сложной для восприятия или же являющейся смысловым ядром слова: любостяжание – это не просто преумножение чего-то, это вместе с тем приумножение злого. Важно, что перевод вставлен в само слово, разделяя, таким образом, его части, что, возможно, иллюстрирует автоматизм подобных рефлексий: намеренные размышления по поводу значения компонента лексемы *лихо-*, скорее всего, приводились бы после слова *лихоимство*, тогда как автоматически возникший в сознании перевод на русский язык и понимание того, что он актуализирует значение первой части сложного слова, был записан сразу, оказавшись, таким образом, помещенным между двумя частями сложносоставной лексической единицы.

Встречаются на страницах дневника и более развернутые размышления автора по поводу тех или иных языковых явлений. Например, обратимся к рассмотрению следующего случая: «Итак – бессильный, “окаянный”, “несчастный” я человек. *Бедный я человек* (Рим. 7, 24). “Бедный” – **это русское слово очень выразительно и уместно здесь. Грустное, жалеющее слово...** “Бедный я, бедный!”. “Ах ты бедный, бедный” – **говорим мы иному, сочувствуя, жалея и грустя...** “Несчастный” – **резко...** “Окаянный” (славянское) – **почти отчаянно**» [Федченков, с. 16]. В данном примере имеет место рефлексия автора по отношению к коннотативным различиям между прилагательными *бедный*, *несчастный* и *окаянный*, которая возникла в связи с жизненными трудностями митрополита Вениамина, размышляя о которых он обращается к анализу фрагмента из Евангелия, содержащего фразу *Бедный я человек*. Для того чтобы осознать, имеет ли он право называть себя *бедным*, т.е. жаловаться на жизнь, что в православном религиозном дискурсе не приветствуется, считаясь греховным, в особенности если жалобы человека не имеют оснований, Вениамин Федченков пытается определить, насколько данная лексическая единица отражает суть его положения и что именно она означает.

Первое, на что о. Вениамин обращает внимание, – это наличие синонимического ряда. Затем автор дает оценку лексеме *бедный*: не только сообщается происхождение слова (*русское* в отличие от *славянского* варианта *окаянный*), но и устанавливается его приоритет над двумя другими прилагательными: именно это слово, по мнению автора, очень выразительно и уместно здесь, т.е. по отношению к его личному сложному положению в русской эмиграции, связанному с его солидарностью

на момент создания записи (1926 г.) с одним из опальных лидеров Русской православной церкви за рубежом митрополитом Евлогием. Отметим, что одна из приведенных о. Вениамином коннотативных характеристик лексемы *бедный* дана им при помощи олицетворения, наделяющего данное слово способностью действовать – жалеть человека (*жалеющее слово*). Именно благодаря этой способности, по мнению о. Вениамина, употребление данного прилагательного уместно в случаях, когда говорящему необходимо передать собеседнику свое сочувствие, жалость и грусть, связанные с бедственным положением адресата речи (называем человека бедным, *сочувствуя, жалея и грустя*).

Заметим, что два других синонима характеризуются автором как *резкое* (прилагательное *несчастный*) и *почти отчаянное* (прилагательное *окаянный*). Стоит учитывать, что прилагательное *окаянный* фигурирует в данном случае в церковно-славянском значении ‘несчастный, жалкий, грешный, печальный’ [Срезневский, 1902, II, стб. 640], которое настолько отличается от значения слова *окаянный* в русском языке ‘отверженный, проклятый’, сначала имевшего пометы лишь о возможности употребления в качестве бранного [Кузнецов, с. 707; Ожегов, Шведова, с. 449], а в настоящее время, по данным современных словарей, является исключительно бранным словом [Лопатин, Лопатина, с. 429], что фактически данные слова можно считать межъязыковыми омонимами или церковно-славяно-русскими паронимами (см. о подобных случаях: [Табаченко, с. 182–183]). Так, употребление слов *несчастный* и *окаянный* по отношению к какому-либо человеку, с точки зрения митрополита Вениамина, может быть оправдано только в случае крайних трудностей, тогда как *бедный*, очевидно, признается автором более нейтральным вариантом и потому не несущим опасности ввести говорящего в грех, преувеличив бедственное положение человека (или, что актуально для автора, его собственное).

Стоит обратить внимание на примеры, которыми Вениамин Федченков иллюстрирует ситуации употребления прилагательного *бедный*. Оба они построены на повторе лексемы *бедный*: *Бедный я, бедный!; Ах ты бедный, бедный*. Отметим, что подобные повторы являются одной из константных языковых характеристик стиля дневников Вениамина Федченкова. Однако неверным было бы считать, будто постоянные лексические повторы (двухчастные, как в данных примерах, и трехчастные, также встречающиеся в тексте дневников) отражают скудость словаря священнослужителя, поскольку наравне с повторами в исследуемых текстах частотны фрагменты, в которых автор блестяще оперирует синонимами. Скорее всего, лексические повторы являются средством отражения эмоционального состояния автора, его неспособности в момент записи избавиться от какой-либо мысли или, наоборот, в иных случаях наблюдается факт сознательной попытки дать себе установку, заставить себя что-либо делать (особенно это связано с повтором глагола *молиться*).

Лингвистическая рефлексия на страницах исследуемых дневников отражается и в уточнении о. Вениамином значения слова, встреченного им в прецедентном тексте, например: «Мы только воспринимаем. Он <Бог> **“достигает”, то есть нагоняет** нас (см.: Флп. 3, 12)» [Федченков, с. 21]. В данном случае имеет место уточнение слова при помощи синонима, который, по мнению автора дневников, более понятен и в большей степени передает смысл данного утверждения: Бог входит в жизнь человека, Он наделен способностью направлять людей (см. значения глагола *нагонять* в: [Даль, с. 236]).

Вторым типом случаев лингвистической рефлексии в исследуемых дневниках можно назвать стремление Вениамина Федченкова актуализировать лексическое значение слова или его отдельные семантические оттенки при помощи выделения в той или иной лексеме определенных морфем, которые, по мнению пишущего, способны раскрыть подлинный смысл слова. В тексте дневников встретилось 4 случая акцентирования авторского внимания на отдельных морфемах.

Рассмотрим следующие примеры (подчеркивание, разрядка, заглавные буквы – автора дневников. – А.П.): «Нет, – одно, одно: Кто Сей, спасающий Сам? – Сын Божий. Он спасает; а не “спасаем-ся»» [Федченков, с. 21]; «Ты нарушаешь обет, или клятву, пред Троицей. А ПЕРЕЙти через клятву и значит навлечь на себя ПРОклятие» [Федченков, с. 191]; «<...> это, само по себе правильное и хорошее, рассуждение, однако, не помогает в корне. Я это чувствую, вижу, осязаю: то есть НЕ ПРИДАЕТ СИЛ. Впрочем, “ПРИ”-дать-то немного; но именно только “при”-дать к чему-то иному, ОСНОВНОМУ. “ДАТЬ” же силы может другое...» [Там же, с. 14]. В первом случае Вениамин Федченков отделяет от основы слова при помощи дефиса возвратный постфикс -ся, подчеркивая смысл всего высказывания благодаря акцентированию значения морфемы: человек не в состоянии своими силами спасти себя, свою душу от грехов, только Бог способен это сделать, поэтому, на взгляд автора, изначально неуместно употребление возвратного -ся, которое подчеркивает идею самостоятельного спасения человека.

Два последующих случая рефлексии выражены при помощи выделения заглавными буквами приставок и отделения приставки от основы слова при помощи дефиса. Авторское подчеркивание самостоятельного значения морфем усиливается при помощи помещения их в кавычки. Интересна рефлексия митрополита Вениамина по отношению к клятве, отразившаяся в его размышлениях над семантикой лексем *перейти* (клятву) и *проклятие*, которая, в свою очередь, выражена при помощи выделения приставок *пере-* и *про-* в указанных лексических единицах. Рефлексия вызвана внутренним побуждением Федченкова перестать быть союзником опального митрополита Евлогия, в солидарности с которым он пребывал с момента своей эмиграции из советской России. Если значение словосочетания *ПЕРЕЙти через клятву* представляется вполне прозрачным ('нарушить клятву, переступив через данные обещания', что подчеркивается акцентированием внимания на приставке *пере-*,

содержащей идею перемены положения вещей в пространстве, каких-либо обстоятельств, нередко вопреки чему-либо), то причина выделения приставки *про-* в лексеме *ПРОклятие* менее очевидна. Существительное *клятва* наделено и негативно-оценочной, и позитивно-оценочной семантикой – ‘проклятие, присяга, заклятие’, имеет помету ‘привычно для всех славян’, что, как представляется, снимает в некоторой степени отрицательные коннотации [Срезневский, 1893, I, стб. 1235–1237]. Существительное *проклятие* (‘отвержение, отлучение’ [Срезневский, 1902, II, стб. 1537]) и глаголы *клясть* (‘проклинать, бранить, осуждать’ [Срезневский, 1893, I, стб. 1237]), *проклинать* (‘призвать проклятие’ [Срезневский, 1902, II, стб. 1536–1537]) в церковно-славянском и древнерусском языках также были оценочно амбивалентными: в словаре Г. Дьяченко, например, лексема *клятва* несет только негатив – ‘заклятое, проклятое’ [Дьяченко, с. 254], а существительное *проклятие* вдобавок к традиционным ‘проклятие, заклятое’ наделяется положительной оценочностью – ‘заповеданное’ [Дьяченко, с. 510]. Приставка *про-* может передавать идею замены того, что названо мотивирующим словом [Русская грамматика, I, с. 227]. В приведенном фрагменте дневника, вполне возможно, имеет место положительно-оценочное понимание существительного *клятва* как присяги, данного им митрополиту Евлогию слова, а существительное *ПРОклятие* – это нечто, что автор получает после нарушения клятвы. Думается, *ПРОклятие* в понимании о. Вениамина – это не просто ‘желание худого’ [Дьяченко, с. 509], – это некая пустота, утрата чего-то важного, ценного как следствие невыполнения обещания, что, по мнению автора дневников, практически равнозначно с признанием своей духовной слабости и несовершенства.

Последний из приведенных примеров также построен на конкретизации семантики слова при помощи выделения приставки *при-*. В данном случае митрополит Вениамин выступает в роли человека, имеющего достаточно высокий уровень лингвистической подготовки и знающего одно из основных значений приставки *при-* – ‘совершение действия, дополнительного к тому, которое обозначено мотивирующим глаголом’ [Русская грамматика, I, с. 367]. Актуализируя данное значение указанной морфемы, Вениамин Федченков в очередной раз доказывает (прежде всего себе самому) тот факт, что силы на какое-либо дело могут быть даны человеку только Богом, а сам человек может только приложить усилия, т.е. “*при*”-*дать* сил к тем ресурсам, которые уже заложены Богом.

Кроме того, отметим, что в тексте дневника встретился случай актуализации значения морфемы и без ее выделения (полужирный шрифт мой. – А.П.): «<...> точно ясно, что **уму** нечего делать в делах **сверхумных**» [Федченков, с. 502]. Как представляется, в данном примере о. Вениамин намеренно прибегает к использованию корневого повтора, благодаря которому приставка *сверх-* выделяется естественным образом как нечто инородное в однотипном окружении, и именно она придает нужный смысл прилагательному *сверхумный*, характеризующему определенный

вид дел, превосходящих по своей сложности возможности человеческого разума и потому недоступных его осмыслению.

Третья разновидность проявлений лингвистической рефлексии в дневниковых записях Вениамина Федченкова связана с повышенной внимательностью при употреблении цитат из прецедентных источников (2 примера). В одном случае предметом внимательного прочтения стало устойчивое выражение *во имя*, а в другом – соединительный союз *и*. Обратимся вначале к первому случаю (подчеркивание принадлежит автору дневников, полужирный шрифт мой. – А.П.): «<...> покайтесь и креститесь *во имя* Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа (Деян. 2, 37–38). **Это постоянно употребляющееся изречение: “во имя” – означает не что иное, как “за” – “в силу”. Силою “имени Божиего” или просто “Божиею Силою”,** проявляющейся чрез призывание или произнесение имени Божия, – совершается в Церкви все <...>» [Федченков, с. 44]. В данном фрагменте текста отражены размышления митрополита Вениамина по поводу значения устойчивого выражения *во имя*, навеянные, в свою очередь, мыслями автора о таком явлении в религиозной философии, как имяславие, связанном с деятельностью А.Ф. Лосева (см., например: [Лосев, 1999]), к учению которого, впрочем, священнослужители, в том числе и Федченков, всегда относились с определенной долей осторожности. О. Вениамин дает объяснение сначала самому выражению *во имя* (*не что иное, как “за” – “в силу”*), затем переносит данное значение на религиозную почву, как сделали бы последователи имяславия (*Силою “имени Божиего” или просто “Божиею Силою”*). Таков механизм лингвистической рефлексии в рассмотренном примере.

Обратимся ко второму случаю осмысления языковых явлений, связанному с объяснением изречения из Писания при помощи акцентирования внимания на значении соединительного союза *и* (курсив автора дневников, полужирный шрифт мой. – А.П.): «<...> “не о себе только каждый заботься, но каждый и о других” (Флп. 2, 3–4). **В этом месте сказано: “и” о других; значит, о себе тоже должно заботиться,** и притом не в земном лишь смысле, а и в духовном. То есть не нужно думать: как то или иное отразится на других (например, соблазн), но прежде *о себе* позаботиться, чтобы сделать по совести» [Федченков, с. 291]. В православном дискурсе мысль митрополита Вениамина о том, что нужно в первую очередь заботиться о себе, бесспорно, была бы воспринята отрицательно, как противоречащая основам христианского вероучения, если бы он не акцентировал внимание на семантике соединительного союза *и* в приведенном им прецедентном изречении. Оказавшийся в трудной жизненной ситуации, которая требовала от священнослужителя заботы о своей будущей жизни, он находит оправдание таким своим помыслам, доказывая их непротиворечивость идеям христианства. Лингвистическая рефлексия становится для автора исследуемых дневников спасительным средством.

Последний, четвертый тип лингвистической рефлексии представляет собой сосредоточение авторского внимания на этимологии слова (1 случай). Рассмотрим пример (полужирный шрифт мой. – А.П.): «<...> говорят, “эмоции” (**от латинского слова *emovere* – “выдвигать”**) “движут”, то есть чувства способны “двигать”... Увы и увy! Тысячи, тысячи раз хотел, желал всем сердцем, – всею способностью чувствовать, – чтобы я был иным...» [Федченков, с. 14]. Прежде всего отметим, что этимологию слова *эмоция* о. Вениамин дал верную, а не «наивную» (см. об этом: [Зализняк, с. 286 – 288]). Информация о происхождении слова, как и многие другие рефлексивные по отношению к языку элементы, дана автором в скобках, кратко, но вполне ясно. Далее митрополит рассуждает о степени верности утверждения о способности эмоций руководить поступками человека: они *движут* человеком, и эта способность является, по мнению людей, одной из неоспоримых, что подтверждается происхождением самого слова от латинского глагола *выдвигать*. Однако Вениамин Федченков оспаривает данное утверждение: несмотря на происхождение слова, вроде бы подчеркивающее данное качество эмоций, они двигать человеком не могут, и это, по мнению о. Вениамина, доказывается его личным опытом. Так, автор прибегает к этимологии слова не для того, чтобы подтвердить соответствие слова и его значения, а, наоборот, скорее для того, чтобы показать возможность ложной интерпретации человеком того или иного явления и в результате – нередко ошибочной его номинации.

Подводя итоги, отметим, что лингвистическая рефлексия в тексте дневников митрополита Вениамина Федченкова 1926–1948 гг. предстает одной из ярких, константных черт его стиля. Постоянный процесс осмысления значения прецедентных высказываний, семантики отдельных слов и даже отдельных морфов позволяет о. Вениамину лучше разобраться в тех или иных обстоятельствах его безрадостной жизни в эмиграции и позднее – в советской России, а в иных случаях языковые тонкости, становясь предметом рефлексии, помогают ему подсознательно оправдать, смягчить некоторые свои поступки, мысли и желания. Таким образом, язык, становясь предметом рефлексии, оказывается тесно связанным с образом жизни священнослужителя, с теми или иными ее обстоятельствами, трудностями. Язык становится для митрополита Вениамина убежищем от повседневных проблем, связанных с жизнью вдали от родины, нищетой, отлучением от эмигрантского сообщества из-за официального подписания им документа о лояльности к советской власти и т.д. В этом сам о. Вениамин признается на страницах своего дневника, называя язык и письмо (процесс писания) своим спасением от ужасов жизни.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. статьи / под. ред. Л.В. Беловинского. М., 2012.

Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений): пособие. М., 1899.

Зализняк А.А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Кузнецов С.А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2008.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2011.

Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Самое само: соч. М., 1999.

Митрополит Вениамин (Федченков). Дневники 1926–1948 гг. М., 2008.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп. М., 2010.

Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой: в 2 т. М., 1980. Т. 1.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. I (А–К). СПб., 1893.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. II (Л–П). СПб., 1902.

Табаченко Л.В. Самостоятельная работа студентов в спецкурсе по церковно-славянскому языку // Формы и виды самостоятельной работы и контроля за ней в системе многоуровневой подготовки студентов по направлениям «Филология» и «Журналистика»: материалы науч.-метод. конф. Ростов н/Д., 2012.

Panova A.A.

Southern Federal University

THE LINGUISTIC REFLECTION IN THE DIARIES BY METROPOLITAN VENIAMIN FEDCHENKOV 1926-1948

The article is devoted to the analysis of language reflection in metropolitan Veniamin Fedchenkov's diaries. The focus is given to the linguistic means, which he uses to describe some events. The author studies different ways of word meaning actualization according to the morpheme meaning.

Keywords: *diary, linguistic reflection, word meaning actualization, morpheme.*